

измѣнить нельзя (а какъ-же нѣсколькими строками выше сказано: „въ себѣ ты можешь улучшить или ухудшить... жизнь!“—какъ это понять?), потому что она одна только есть. Все остальное намъ только кажется.

Прошу вчитаться въ эти слова, вдуматься въ нихъ и отдать себѣ отчетъ, что это значить— „ты проявляешь въ себѣ только часть этой *одной* жизни. И только въ *одной части* жизни, въ себѣ, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ“. Какъ это можно разрушать предѣлы своей жизни, отдѣляющіе ее „отъ другихъ существъ“? Не тогда-ли разрушаются предѣлы нашей жизни, отдѣляющіе ее отъ другихъ существъ, когда мы перестаемъ существовать, перестаемъ жить, какъ отдѣльные личности? И не значить-ли это, что жизнь есть *ничто* совершенно независимое отъ жизни личностей, индивидуумовъ; существуютъ-ли личности, индивидуумы, или же ихъ нѣтъ, для жизни все равно, она течетъ себѣ неизмѣнно. А если разрушать предѣлы своей жизни значить улучшать жизнь, то зарожденіе всякой личности, отрывающее частичку жизни отъ единой жизни и заключающее ее въ предѣлы личности, въ предѣлы, отдѣляющіе эту частичку отъ единой жизни,—такое зарожденіе не есть-ли ухудшеніе, или, какъ это было сказано въ первоначальной редакціи,—оскверненіе жизни? И если это такъ, то самоубійство не есть-ли наилучшее средство, чтобы уничтожить предѣлы нашей жизни, отдѣляющіе ее отъ *жизни единой*, а убійство не будетъ-ли величайшею услугою, выраженіемъ истинной любви къ тѣмъ, которые сами (изъ ложнаго страха смерти, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ и бояться ея нечего) не могутъ рѣшиться разрушить предѣлы, отдѣляющіе ихъ отъ жизни, *которая одна*. Жизни уничтожить нельзя, но разрушить предѣлы, отдѣляющіе нашу жизнь отъ единой, мы можемъ; можемъ, конечно, разрушить и предѣлы, отдѣляющіе жизнь другихъ существъ отъ жизни единой, и наибѣрѣйшее средство для этого—убійство другихъ существъ. Итакъ, самоубійство въ отношеніи самихъ себя и убійство въ отношеніи другихъ, вотъ то, чѣмъ мы можемъ улучшить жизнь по логическому выводу изъ основныхъ положеній самаго яраго проповѣдника— „не убій“. По логическому выводу изъ основныхъ положеній Толстого должно не отвергнуть только заповѣдь — „не убій“, но и дать новую заповѣдь, заповѣдь, повелѣвающую убивать: убивайте, убивайте, какъ можно больше убивайте, а въ концѣ концовъ и себя убейте! Такъ-ли это?

Ради полноты мы должны сказать, что послѣ словъ— „улучшать жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ“,—прибавлено,— „будешь считать другія существа собою и любить ихъ“. Но какъ это— „считать другія существа собою“, когда всѣ наши чувства противорѣчатъ этому; наши чувства на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ, что мы нѣчто особое отъ всѣхъ другихъ, а Толстой увѣряетъ насъ, что это неправда, что это лишь иллюзія, призракъ и обманъ*), а мы всѣ суть одно. И легко сказать— *люби другихъ*;

* Кто-же это и зачѣмъ хочетъ насъ обманывать?